

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

Первооснова духовной жизни человѣка.

(Мысли и чувства по поводу свѣтлыхъ дней святой Пасхи).

Любовь къ Господу сильнѣ смерти... Это, поистинѣ, — первооснова и источникъ духовной жизни и духовной радости человѣка.

И когда близятся свѣтлые дни святой Пасхи, то особенно чувствуется потребность въ этой любви, потому что она одна только и можетъ освѣтить и согрѣть нашъ внутренній міръ, вывести насъ изъ обычной будничной колеи жизни и дать намъ возможность хотя немного приободриться духомъ.

Вѣдь, всё мы знаемъ, что красоты природы не плѣняли бы нашего взора, если бы онѣ не были освѣщены свѣтомъ солнечнымъ. Прекрасный ландшафтъ, въ которомъ гармонически сочетаются лѣсъ, поля и пригорки, съ протекающею внизу ихъ рѣчкою или ручейкомъ, сохраняетъ свою гармонію и въ темную ночь. Но мы въ темнотѣ не видимъ его. Такъ и душа человѣка, не освѣщенная свѣтомъ любви къ Богу, не знаетъ красоту человѣческаго духа, не испытываетъ святыхъ порывовъ. Не для такой души, какъ будто, великіе праздники. Не для нея несется по вольному простору торжественный перезвонъ колоколовъ, когда, — какъ это бываетъ въ полночь, отдѣляющую великую субботу отъ свѣтлаго дня, — гудятъ колокола большихъ городскихъ храмовъ, а на ихъ гулъ, разомъ въ одинъ и тотъ же часъ, отзываются призывные звуки колоколовъ сельскихъ храмовъ, разбросанныхъ тамъ и здѣсь по Руси святой.

Современное маловѣріе не хочетъ понять того, что безъ Господа воскресшаго, безъ мысли о Его великомъ подвигѣ, завершенномъ Его воскресеніемъ, Церковь на вѣки была бы погребена во гробъ. Не было бы силы и радости жить...

И если люди и при наличности Церкви не знаютъ этой радости, то — это значить, что они снова погребли въ своемъ сердцѣ воскресшаго Господа, а вмѣстѣ съ этимъ лишили и душу свою божественнаго свѣта.

Какое то невольное, но умиленное трепетаніе сердца испытываешь, когда читаешь въ Киевскомъ Патерикѣ сказаніе о чудѣ въ киевскихъ пещерахъ, имѣвшемъ мѣсто въ 1463 г. Священноинокъ Діонисій, завѣдывавшій пещерами, — повѣствуетъ сказаніе, — „въ великій день Пасхи вошелъ въ пещеру преподобнаго Антонія покладити тѣла усопшихъ святыхъ и пришелъ на мѣсто, называемое община или трапеза. Покадивъ тутъ, онъ сказалъ: „святые отцы и братіе сегодня великій день: „Христосъ воскрес!“ — и тутъ вдругъ понесся огъ всѣхъ мошей голосъ, какъ громъ: „воистину воскрес!“

Какъ захватываетъ это простое лѣтописное сказаніе! Мертвые для земной жизни — живы для Господа и въ Господѣ! Ихъ любовь къ Нему и вѣра въ Него не умираютъ и по смерти.

Темный, темный сводъ пещеръ киевскихъ. Слабо мерцаютъ лампадки и восковыя свѣчи. Тихо въ пещерахъ — въ этомъ священномъ подземномъ городѣ святыхъ... И здѣсь слышится радость святыхъ, почившихъ въ любви къ Господу! Первые свѣточи христіанства на Руси уснули, но не ушли отъ нея! Они и изъ своихъ гробовъ внемлютъ голосу Церкви, устами священнослужителей своихъ вѣщающихъ: Христосъ Воскресе!

Такъ, для вѣры нѣтъ мертвыхъ членовъ Церкви, если они почилы въ Богѣ!

И всякій истинный христіанинъ живетъ въ церкви, радуется ея духовною радостію и, по изволенію Бога, раздвигаетъ границы временнаго бытія, сливая послѣднее съ вѣчностью.

Но понятно, что эта вѣра и эта духовная радость можетъ имѣть мѣсто только тамъ, гдѣ есть религиозное чувство. А это чувство, въ свою очередь, должно *родиться и воспитаться*.

И подобно тому, какъ появившаяся раннею весною листва цвѣтушихъ деревьевъ хранитъ уже въ себѣ завязь цвѣтка, такъ и членъ Церкви Христовой долженъ съ ранняго дѣтства беречь въ себѣ первоисточникъ духовныхъ радостей во избѣжаніе такъ нежелательныхъ, но, къ сожалѣнію, нерѣдкихъ явленій, когда носящій имя христіанина начинаетъ жить и дѣйствовать „съ головою антихриста“ *)

И, не смотря на оскуднѣніе вѣры, нашъ народъ хранитъ еще въ себѣ эту вѣру.

Далекое, невозвратное дѣтство! Холодомъ вѣетъ отъ жизни... Но дѣтство, словно живительный лучъ весенняго солнышка, приноситъ изъ далекаго прошлаго свѣтъ и радость.

Предъ нами встаетъ изъ давно минуваго прошлаго, забывтая еще и доселѣ, дорога, мирная картинка.

*) Надъ этими печальными явленіями невольно задумываются многіе благомыслящіе члены западныхъ церквей. См. Гуппертъ. Итоги четырехсотлѣтняго самобытнаго развитія нѣмецкаго протестантизма къ началу 20 столѣтія. Перевъ съ нѣмецк. С. Никитскаго. Харьковъ. 1910 г. стр. 13.

Деревянный храмъ въ сторонѣ отъ поселка... Только что кончилась пасхальная литургія... Въ храмъ носятся остатки кадильнаго еиміама... Тамъ, въ глубинѣ алтаря, полуосвѣщеннаго первыми лучами восходящаго солнца, виднѣется въ отверстія царскія врата силуэтъ отца—священника, оправляющаго одежды на святомъ престолѣ. Я окидываю взглядомъ храмъ и вмѣстѣ съ старой няней выхожу изъ храма.

Дома ждутъ куличъ и пасха и ласки родителей. Бѣгу домой.

Съ колокольни несется праздничный трезвонъ. Надъ сосѣдней полянкой уже взвился пѣвецъ весны—жаворонокъ. Не ускользаетъ и онъ отъ моего вниманія... Въ воздухѣ носится аромат только что лопнувшихъ древесныхъ почекъ, которыя успѣли къ свѣтлому дню выпустить кончики зеленыхъ листиковъ.

Въ домѣ уже стоятъ крестоносцы съ иконами. Отецъ прославилъ Воскресшаго. Праздникъ насталъ!

Не хочется сидѣть дома. Я выхожу и пробираюсь къ селу. На заваленкахъ сидятъ поселяне: все знакомые люди. Помню: я остановился у одной группы. Вступаю въ разговоръ. Старички смотрятъ на разгорѣвшееся утро и словно улыбаются ему. Захолустное село пріучило очевидно, поселянъ жить своими близкими интересами. Многое, помнится, говорилось тогда поселянами, и все больше—о житьѣ-бытьѣ, о природѣ... Но изъ ихъ бесѣдъ почему-то особенно врѣзалось въ мою дѣтскую память какое то радостное отношеніе ихъ къ солнышку.

Какъ солнышко-то играетъ! Вотъ такъ играетъ!—слышится голоса поселянъ.

Я смотрю на солнышко, и мнѣ, помню, то же показалось тогда, что солнышко дѣйствительно играло, заливая своими лучами и эти шумящія ручейки, и соломенные крыши маленькихъ избушекъ, и вонъ тотъ перелѣсокъ, который еще купался въ утренней синевѣ. И я слышу около себя чей-то поясняющій голосъ: „въ свѣтлый день всегда такъ-то играетъ солнышко! Ово тоже Христа Господа славить!“...

Солнышко, разумеется, и тогда свѣтило такъ же, какъ и теперь свѣтитъ...

Но отчего же простой русской душѣ въ дни особаго религіознаго праздничнаго подъема кажется, что и природа вторитъ и откликается на ея радости?

Оттого, конечно, что нашъ простой вѣрующій народъ, смотря на земное, умѣетъ духомъ своимъ соприкасаться съ небеснымъ. О нашемъ русскомъ народѣ, въ его неразложившейся части, можно сказать то же, что сказалъ покойный Вл. С. Соловьевъ о соприкосновеніи христіанина съ надземнымъ божественнымъ міромъ. „Отдѣльные лучи, говоритъ онъ *), и отблески божественнаго міра должны проникать и въ нашу дѣйствительность, и составлять все идеальное содержаніе, всю красоту и истину, которую мы въ ней находимъ. Человѣкъ, какъ принадле-

*) Чтенія о Богочеловѣчествѣ.

жаций къ обобщенію мірамъ, умственнымъ созерцаніемъ можетъ и долженъ касаться міра Божественнаго и, находясь еще въ мірѣ борьбы и смутной тревоги, вступать въ общеніе съ ясными образами изъ царства славы и вѣчной красоты“. Здоровая русская натура, очевидно, и бережетъ въ себѣ эту способность распознавать *въ земномъ небесное*. Еще недавно намъ пришлось встрѣтить одного старожила, подтвердившаго наблюденія знакомыхъ мнѣ изъ дѣтства поселянь. Я сказалъ ему о впечатлѣніяхъ дѣтства и о наивныхъ наблюденіяхъ жителей захолустьнаго поселка, видѣвшихъ, какъ солнышко „играетъ въ свѣтлый день“. Старожиль замѣтилъ на это: „а такъ вы думаете, что они не правду говорили?.. Нѣтъ, солнышко и подлинно играетъ въ свѣтлый день... Я самъ примѣчаю это... Въ городахъ-то, конечно, не примѣчаютъ этого: тамъ и солнышко-то болѣе видятъ вечеромъ, когда оно заходитъ... Можетъ-быть, и многіе не поймутъ того, что значитъ „солнышко играетъ“... Но всѣмъ несомнѣнно ясно, что холодъ жизни во многихъ убилъ чистую радость, способность постигать Бога въ природѣ, способность выносить изъ нѣдръ своего внутренняго существа духовный восторгъ и одухотворять имъ видимый міръ. Очевидно, нужно имѣть способность не только думать, но и чувствовать. Утратить чувство не трудно, но возвратить его не легко—труднѣе, чѣмъ пополнить скудость своихъ, неполученныхъ во время, знаній...

Но возвратимся къ играющему солнышку. Играетъ или не играетъ солнышко въ Свѣтлый день—этотъ вопросъ можетъ рѣшать каждый по-своему. Но дѣло-то здѣсь, конечно не въ солнышкѣ, а въ томъ, что русскій человѣкъ бережетъ свое чувство, дорожитъ имъ. И предъ этимъ чувствомъ, хотя бы ради дѣтской чистоты и простоты его, долженъ остановиться всякій, кто холоднымъ разсудочнымъ анализомъ готовъ принизить цѣнность религіозной вѣры...

Отъ сѣренькой деревеньки, отъ далекаго прошлаго намъ хочется перенестись въ иное мѣсто, гдѣ такъ же, какъ и въ захолустьномъ поселкѣ, говорило чувство нашихъ простыхъ русскихъ душъ—въ Палестину... Мы можемъ догадываться, что здѣсь чувство вѣрующей русской души еще выше, чѣмъ чувство какого-либо поселянина, смотрящаго на играющее солнышко. Оно и понятно: вѣдь, здѣсь рѣчь идетъ о чувствѣ, рождающемся въ дорогихъ для каждаго христіанина мѣстахъ. Мы не разъ слышали и читали, конечно, о томъ восторгѣ, съ которымъ русскій паломникъ шествуетъ по Палестинѣ, заглядываетъ въ храмы и часовни, воздвигнутыя на мѣстахъ, ознаменованныхъ жизнію и подвигами Спасителя. Но вотъ признаніе не только этого чувства, но и его правъ на существованіе со стороны одного не русскаго авторитета. Очень недавно одинъ талантливый профессоръ Берлинскаго университета *) дѣлился съ большою аудиторіею своими впечатлѣніями, полученными имъ въ Іерусалимѣ. Упомянувъ о замѣченныхъ имъ здѣсь злоупотреб-

*) Соденъ.

леніяхъ, экслоатирующихъ простую вѣру, онъ говоритъ дословно слѣдующее „однако, существуютъ дѣтскія души, добродушная набожность которыхъ не страдаетъ при этомъ. И такое отношеніе даетъ возможность со многимъ примириться, или, по крайней мѣрѣ, многое извинить. Въ послѣдній вечеръ моего пребыванія въ Іерусалимѣ, когда я почти противъ воли, больше исполняя свою обязанность путешественника, еще разъ былъ внутри церкви Гроба Господня, я подошелъ, между прочимъ, къ такъ называемой часовнѣ распятія. Она была такъ наполнена русскими богомольцами, что въ ней невозможно было пошевелиться. Мужчины стояли въ ихъ овчинныхъ тулупахъ, женщины въ ихъ тяжелыхъ черныхъ головныхъ платкахъ, какъ-будто была русская зима. Всѣ въ молитвенномъ усердіи, блестя влажными глазами, смотрѣли на Христа, распятаго на крестѣ, покрытомъ блестящими брилліантами и рубинами. Нигдѣ не видно было любопытства или интереса зрителей, всюду благоговѣніе и мертвая тишина. Вдругъ изъ толпы возвышается, какъ-бы обвѣянный дремотой, женскій голосъ, запѣвающій русскую благочестивую пѣснь; толпа подхватываетъ, тонъ усиливается; звуки многихъ голосовъ сливаются въ чудесную гармонию. Но все это мягко, нѣжно, все идетъ изъ сердца какъ-будто, *это безсознательно звучатъ голоса душъ, совершенно освободившихся отъ всего земного.*

„О, Русь святая! думалось намъ, очевидцамъ этаго духовнаго восторга русскихъ паломниковъ въ дни св. Пасхи вдали отъ родины, у святыни Гроба Господня!.. Ты имѣешь въ святыхъ чувствахъ вѣры и любви—этихъ христіанскихъ первоосновахъ духовной жизни человѣка неизсякаемый источникъ высшаго блаженства и счастья, которыхъ такъ напрасно ищеть оторвавшаяся отъ церкви русская интеллигенція, и мятущаяся духомъ въ рѣшеніи вопроса о смыслѣ и цѣли человѣческой жизни. Культъ религіи она пытается замѣнить т. н. эстетическимъ культомъ. „Есть смыслъ въ жизни, въ томъ что сильно, красиво, величественно“... успокаиваетъ она себя.

Но въ опроверженіе этого взгляда скажемъ кратко словами нашего отечественнаго философа В. С. Соловьева: какой же смыслъ въ силѣ, величійи и красотѣ здѣсь на землѣ, когда мы видимъ, что конецъ этой силѣ и красотѣ есть смерть и разрушеніе. Нѣтъ, истинная красота, сила и величіе въ томъ, Кто источникъ истины, правдивенной красоты и добра, въ Богѣ, какъ восторженно и воспѣла объ этомъ благословенная изъ всѣхъ женъ: „Величить душа моя Господа и возрадовался духъ мой о Богѣ, Спасѣ моемъ“. Есть Бсгъ, есть вѣчность, есть Христось, есть воскресеніе,—вотъ спасительныя истины Божественнаго откровенія, которыя способны удовлетворить жаждущую душу человѣка, наполнить ее свѣтлымъ содержаніемъ въ рѣшеніи вѣковѣчныхъ вопросовъ о смыслѣ и цѣли человѣческой жизни. „Такъ и по воскресеніи мертвыхъ, читаются при погребеніи побѣдныя слова св. Ап. Павла: съется въ тлѣніе, возстаеъ въ нетлѣніи... Когда же тлѣнное сіе обле-

чется въ безсмертіе, тогда сбудется слово написанное: „Смерть, гдѣ твое жало? Адъ! Гдѣ твоя побѣда“?

Дорогіе читатели! Будемъ провозвѣстниками этой свѣтлой духовной радости особенно въ настоящіе радостные дни Свѣтлаго Христова Воскресенія. Въ немъ мы празднуемъ смерти умерщвленіе, ада разрушеніе, и инаго житія вѣчнаго начало! Христосъ Воскресе! *).

Прот. С. И.

ВЪ СВѢТЛУЮ НОЧЬ.

(Изъ письма учительницы церк.-прих. школы.)

Моя милая, дорогая Соня! Пишу тебѣ въ отвѣтъ на твое пасхальное поздравленіе и на твое удивленіе, что я такъ счастлива здѣсь. Боюсь,—посмѣешься ты надо мной,—старой институткой назовешь, пожалуй, отсталой идеалисткой. Ну, называй какъ хочешь, а только знай, что я счастлива, счастлива!.. и не завидую тебѣ.

Третьяго дня наступила Пасха. Великопостная служба въ нашей ѳдной сельской церковкѣ въ теченіе Страстной недѣли какъ-то подготовила всѣхъ насъ, и меня и моихъ ребятишекъ къ трепетному ожиданію Свѣтлаго дня. У насъ очень хорошій старичекъ—священникъ и его служба и поученія сильно дѣйствуютъ на слушателей. И мои дѣтишки, и я,—всѣ мы съ какимъ-то необычайно сладкимъ чувствомъ ожидали наступленія Свѣтлой ночи.

И вотъ подошла и она. Погода была ясная, слегка подморозило, звѣздочки такъ и сверкали на темномъ ночномъ небѣ,—въ деревнѣ все утихло,—видно, хозяйки окончили уже свои праздничныя приготовления и собирались къ службѣ. Только что началъ одѣваться, какъ раздался тихій стукъ въ дверь, и, отворивъ ее, я увидала трехъ моихъ любимыхъ ученицъ, пришедшихъ за мной по общаю иди вмѣстѣ къ утрени. Они помогли мнѣ скорѣе окончить мой незатѣливый туалетъ и мы вышли.

Боже, какая прелесть! какъ хороша была эта тихая, словно дышащая какимъ-то спокойнымъ, сладостнымъ ожиданіемъ, ночь! Какъ непохожа она на гѣ городскія ночи, когда, бывало, собирались мы съ гобюю къ пасхальной утрени въ шумной столицѣ...

Тихо, спокойно вездѣ,—но во всѣхъ домахъ мелькаютъ огоньки,—какъ то торжественно двигаются по деревенской улицѣ женщины и болѣе взрослые ребята, веселые въ храмъ свои куличи,—даже мелкая дѣтвора, и та идетъ съ нами сегодня степенно, словно понимая важность наступающей минуты... Да, Соня, въ вашей глухой деревушкѣ Пасха не то, что у васъ въ городѣ,—здѣсь еще не обратили Свѣтлый христіанскій праздникъ въ какое-то полусвѣтское торжество, на которомъ болѣе думаютъ о новыхъ туалетахъ, да о праздничныхъ развлеченияхъ, нежели о великомъ, воспоминаемомъ въ эту ночь, христіанскомъ таинствѣ!..

Но вотъ и нашъ храмъ... Наша ѳдная, маленькая Покровская церковка

*) Изъ статьи проф. Д. Введенскаго.